

А
Борис Зайцев

Побежденный

Воспоминания о серебряном веке.

Сост., авт. предисл. и коммент. Вадим Крейд.

М.: Республика, 1993. -- 559 с.

OCR Ловецкая Т. Ю.

Я встретил Блока в первый раз весной 1907 года в Петербурге, на собрании "Шиповника". Он мне понравился. Высокий лоб, слегка выющиеся волосы, прозрачные, холодноватые глаза и общий облик -- юноши, пажа, поэта -- все показалось хорошо. Носил он низкие отложные воротнички, шею показывал открыто -- и это шло ему. Стихи читал, как полагалось по тем временам, но со своим оттенком, чуть гнусавя и от слушающих себя отделяя -- холодком. Сам же себя туманил, как бы хмелел.

В те годы Блок переходил от "Прекрасной Дамы" к "Незнакомке". То, первое, весеннее от него впечатление более связалось с ранней его настроенностью (именно с настроением души, а как художник он вполне уж отходил от "первоначальной" своей манеры).

Июль 1908 года мне пришлось жить у Г. И. Чулкова, на Малой Невке. Осталась память о воде, прохладе, влажном Петербурге, запахах смоленых барж, рыбы, канатов. О взморье, о ночах туманно-полусветлых, о блужданиях -- и о Блоке. Не глубокое воспоминание, и не скажу, чтобы значительное. Все-таки осталось. Блок заходил к нам, мы бывали у него. Его образ, ощущение его в то лето отвечали кабачкам, где мы слонялись, бледным звездам петербургским, бродячей, нервно-возбужденной жизни, полуискусственному, полустественному дурману, в котором полагалось тогда жить "порядочному" петербургскому писателю.

Помнится, у Блока резче обозначились уже черты, вес в них прибавился, огрубел цвет лица. Уходил юноша, являлся "совсем взрослый". В этом взрослом что-то колобродило. Каким-то ветром все его шатало, он даже ходил как бы покачиваясь. И на сердце невесело -- такое впечатление производил. Мы ездили в ландо на острова, в ночные рестораны, по ночным мостам с голубевшими шарами электрическими, с мягким, сырым ветром. Много и довольно бестолково пили, рассуждали, разумеется, превыспренно, особых незнакомок, впрочем, не встречали. Блок был довольно хмур, что-то утомленное, несвежее в нем ощущалось. Он нездорово жил, теперь-то это ясно, а тогда мы мало понимали.

От вина лицо его приняло медный оттенок, шея хорошо белела в отложных воротничках, глаза покраснели, потускнели. Но стеклянность взгляда их даже и возросла.

Странные вообще были у него глаза.

* * *

В эти годы и последующие Блок написал книги, глубоко вошедшие в нашу поэзию. Из них особенно пронзающей казалась мне "Снежная маска". Ее отчаянье заражало. Сильный, почти трубный звук был в ней. "Прекрасная Дама" рухнула, вместо нее метели (сильно Блоком, как и Белым, почувствованные), хаос, подозрительные незнакомки -- искаженный отблеск прежнего, Беатриче у кабацкой стойки. Спокойным это не могло быть. Рыдательность, хотя и сдержанная (Блоку не шел бурный экстаз), все проникала -- и большая искренность. Блок никогда не писал для "стихописанья". Формальное никогда его не занимало. У него не было особой выработки, "достижения" его не весьма велики. Стихом хмельным, сомнамбулическим записывал он внутренний свой путь. Его судьба -- в его стихах. А так как выражал он и судьбу некоей полосы русской жизни, то он идет в числе немногих "обязательных" в нашем веке.

В предвоенные и предреволюционные годы Блока властвовали смутные миазмы, духота, танго, тоска, соблазны, раздражительность нервов и "короткое дыханье". Немезида надвигалась, а слепые ничего не знали твердо, чуяли беду, но руля не было. У нас существовал слой очень утонченный, культура привлекательно-нездоровая, выразителем молодой части ее -- поэтов и прозаиков, художников, актеров и актрис, интеллигентных и "нервических" девиц, богемы и полубогемы, всех "Бродячих собак" и театральных студий -- был Александр Блок. Он находил отклик. К среде отлично шел тонкий тлен его поэзии, ее бесплодность и разымчивость, негероичность. Блоку нужно было бы свежего воздуха, внутреннего укрепления, здоровья (духа).

Откуда бы это взялось в то время? Печаль и опасность для самого Блока мало кто понимал, а на

А